

СНАЙПЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН ВОЙНЫ

Дмитрий Олегович Силлов
Закон войны
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Снайпер»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63864346
Дмитрий Силлов. Закон войны: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-133503-8

Аннотация

1941 год, 21 июня...

Завтра начнется самая страшная война в истории человечества.

И в этот день на границе между СССР и Германией появляется сталкер по прозвищу Снайпер, которого воля Монумена перебросила из Чернобыльской Зоны в прошлое.

Он знает, что произойдет через несколько часов, но что может сделать один человек против смертоносной армады вермахта – тем более что здесь, на советской пограничной заставе, ему никто не верит?

Но Снайпер не был бы Снайпером, если б смирился с ситуацией. Войну не остановить, однако можно спасти жизни многих советских солдат, попытаться разрушить планы таинственной фашистской организации «Аненербе», уничтожить

рукотворных чудовищ в подземельях Чернобыля... и, возможно, узнать тайну Монумента, появившегося задолго до страшной аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Дмитрий Силлов

Закон войны

© Д. О. Силлов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Хронология романов о Снайпере

СТАЛКЕР. Закон проклятого

СТАЛКЕР. Закон Зоны

КРЕМЛЬ 2222. Юг

СТАЛКЕР. Закон стрелка

СТАЛКЕР. Закон шрама

КРЕМЛЬ 2222. Северо-запад

КРЕМЛЬ 2222. Север

КРЕМЛЬ 2222. МКАД

КРЕМЛЬ 2222. Сталкер

РОЗА МИРОВ. Закон дракона

СТАЛКЕР. Закон Шухарта

РОЗА МИРОВ. Побратим смерти

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. Никто не уйдет

КРЕМЛЬ 2222. Петербург
КРЕМЛЬ 2222. Шереметьево
СТАЛКЕР. Закон «дегтярева»
СТАЛКЕР. Закон Призрака
СТАЛКЕР. Закон клыка
СТАЛКЕР. Закон долга
СТАЛКЕР. Закон свободы
СТАЛКЕР. Закон Монолита
ГАДЖЕТ. Чужая Москва
СТАЛКЕР. Закон сталкера
СТАЛКЕР. Закон торговца
СТАЛКЕР. Закон крови
СТАЛКЕР. Закон Охотника
СТАЛКЕР. Закон Припяти
СТАЛКЕР. Закон якудзы
СТАЛКЕР. Закон лесника
СТАЛКЕР. Закон выживших
СТАЛКЕР. Закон бандита
СТАЛКЕР. Закон Черного сталкера
СТАЛКЕР. Закон Чернобыля
СТАЛКЕР. Закон мутанта
СНАЙПЕР. Закон войны

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея ИONOва, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея

Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Их было много.

А я был один, если не считать друзей, которых нужно было прикрывать. Но на их помощь рассчитывать не приходилось, они и так едва держались на ногах.

Потому оставалось надеяться лишь на себя.

Я высунул из-за угла руку с автоматом и дал очередь вслепую, зная, что вряд ли попаду. А если кому-то из врагов и прилетит от меня свинцовый гостинец, то толку от этого будет немного – для того, чтобы пробить их броню, нужно либо в одну точку дважды попасть, либо стрелять в упор.

Хотя, похоже, моя очередь их немного отрезвила. Какой бы совершенной ни была их защита, но что такое несколько прицельно выпущенных пуль в башку, они знали прекрасно. Уверенный грохот подошв в коридоре стал тише, превратившись в неуверенное топтание на месте.

Я обернулся.

– Пожалуйста, идите. Я выживу, ты же знаешь. Я – легенда Зоны и не умру никогда.

– Врешь ты все, – с дрожью в голосе проговорил один из друзей, тот, что еще мог говорить. – Пообещай мне...

– Обещаю, – твердо сказал я. – Я не умру. А теперь – бе-

гом!

К счастью, они больше не спорили. Я мазнул взглядом по их спинам, после чего резко высунулся из-за угла и всадил короткую очередь в башку врага, осторожно идущего вдоль стены впереди остальных.

Однако это была последняя очередь, потому что автомат фактически рассыпался в моих руках – оружие у врагов было очень действенным, и меня не задело лишь чудом.

Но на войне чудес не бывает. Здесь тебе порой может улыбнуться удача, но улыбка ее обычно бывает очень короткой. А в следующую секунду она может отвернуться от тебя, чтобы улыбнуться твоему противнику – и ты сползешь по стене, наблюдая, как алым фонтаном хлещет из тебя горячая кровь.

Но я уже бежал навстречу стволам, направленным на меня, с ножом в руке, навстречу неминуемой смерти – потому что ничего другого мне не оставалось, потому что лучше умереть вот так, на бегу, разрывая рот в крике, ощущая, как, словно в кипящем котле, бурлит в тебе ярость, бьет в голову, застилает взгляд красной пеленой. Потому что по-другому я не хочу умирать, потому что я волен в своем выборе смерти, как и любой живущий на этой земле...

И они начали стрелять...

Но боли я не почувствовал. Зачастую так и должно быть на адреналине, который глушит любые ощущения и любые чувства, кроме лютой ненависти к врагу. Но почему вместо

боли я ощущал... раздражающую щекотку в носу, на щеках, почему шея чешется, будто по ней кто-то ползает?

Я рванулся вперед, метя ножом в мерзкую харю врага, рубанул на вдохе, закашлялся...

И проснулся.

Сон был слишком явным для того, чтобы я моментально пришел в себя, но когда в твоём носу щекочет травинка, переход от сна к яви случается моментально.

Я скривился, чихнул – и сел, протирая глаза и пытаюсь понять, где нахожусь.

Что ж, надо было признать, место для просмотра снов я выбрал красивое, прям целый ковер из сочной зеленой травы. Давно такой не видел. Смахнув с шеи надоедливую букашку, я аккуратно высунул голову из зеленого моря, попутно пытаюсь сообразить, как я тут оказался...

И почти сразу вспомнил.

Вот, значит, как...

Каждый человек хочет быть счастливым. И у каждого на этот случай заготовлен конкретный рецепт того самого пресловутого счастья. Дом у речки, например, машина, жена-красавица, денег куча, здоровье, карьера, слава... А у меня, получается, счастье – это выспаться на травяной подушке и проснуться хрен знает где. Ну, что ж, может, так оно и есть. По крайней мере, настолько выспавшимся я не чувствовал себя уже очень давно.

Однако ощущение счастья у меня довольно быстро приту-

пилось, когда я, протерев глаза, разглядел длинный ряд колючей проволоки и вышку метрах в двухстах от того места, где я расположился. К счастью, от нее я был прикрыт березовой рощей, лишь верхушку удалось разглядеть, маячившую над редколесьем.

Ясно... Значит, ничего не поменялось. Я снова в том самом трижды осточертевшем месте, к которому, похоже, привязан, словно баран к забору. То есть в Чернобыльской Зоне, будь она трижды проклята. Хотя...

Я присмотрелся к рядам колючки – и удивился. Неужто на кордоне завели новые правила?

Перед оградой была широкая полоса тщательно распаханной земли, и я знал, что это такое.

КСП.

Контрольно-следовая полоса. Простое и эффективное средство обнаружение нарушителя, пересекшего государственную границу. Хочешь не хочешь, а после преодоления забора следы на распаханной земле оставишь, по которым тебя быстро вычислит патруль и сообщит о происшествии куда следует. Средство, конечно, эффективное, но древнее. Насколько я знаю, сейчас для отслеживания пересечения периметра используются более современные электронные методы. Да и на кой кордонным КСП? Кого надо, они и так с вышек из пулеметов положат, а кто прорвется через колючку – да и плевать, еще не хватало за ними гоняться. Если из Зоны кто на Большую землю ломанется, на то полиция есть.

А в Зону – так это квест до первой аномалии или голодного мутанта, и КСП в этом никому никак не поможет.

В общем, странно мне показалось наличие контрольно-следовой полосы на кордоне, и решил я из рожи понаблюдать за местностью, разобраться что к чему.

И, добравшись до редколесья, офигел еще больше.

Выглянув из-за дерева, я увидел столб с красно-зелеными полосами, в верхнюю часть которого был вмонтирован металлический герб. Вроде бы ничего особенного, обычный пограничный столб...

Да только герб на нем был Союза Советских Социалистических Республик!

Я протер глаза, взгляделся. Нет, ошибки быть не могло, на зрение я никогда не жаловался. Он самый, герб СССР.

А еще по тропинке вдоль границы шел патруль. Двое солдат в сапогах и хлопчатобумажной униформе без погон, в фуражках с зеленым верхом и с винтовками Мосина за плечами. Один постарше, с густыми усами. Второй молодой, лет двадцать от силы, который годными усами пока не разжился – так, старательно отращаемый пушок над верхней губой пробился, и только.

В моей голове моментально пронесся ряд версий. Реконструкторы, неплохо воссоздавшие пейзаж времен Советского Союза? Кино снимается? Или...

Солдаты остановились. Один достал из кармана небольшой мешочек, взвесил его на руке, покачал головой, извлек

из того же кармана пачку в желтой оберточной бумаге, высыпал содержимое пачки в мешочек — я даже название вспомнил: кисет! — бумагу же аккуратно в карман сунул.

А потом эти люди в антикварной пограничной форме достали клочки газет, усатый сыпанул из мешочка себе и товарищу, и они начали ловко крутить самокрутки. И по тому, как они привычно, не просыпав ни крошки, свернули газетные цилиндрики и задымили, я понял.

Не реконструкторы это.

И не кино.

Фиг кто из современных актеров вот так ловко управится с газетой и махоркой, которая, по ходу, в той желтой фабричной пачке и была. Значит, реально закинуло меня в СССР. М-да...

Что ж, путешествие по мирам для меня дело привычное, и в Советском Союзе я тоже уже бывал — в тысяча девятьсот восемьдесят шестом, откуда вынес определенный опыт. А именно: советские военные народ подозрительный, политически подкованный и при виде бойца в камуфляже и берцах сразу видит в нем иностранного шпиона, которого непременно следует арестовать либо пристрелить при попытке к сопротивлению или бегству.

Потому из рощи навстречу соотечественникам я не вышел. Напротив, максимально задвинулся за березу и наострил уши, пытаясь уловить, о чем беседуют бойцы на перекуре.

К счастью, по открытому пространству звуки разносятся хорошо. К тому же вечерело, птицы уже перестали орать как ненормальные, кузнечики и прочие шумные твари тоже стрекотали в траве более умеренно, потому я довольно четко слышал, о чем беседовали бойцы.

– Жарища надоела, – пожаловался молодой. – Печет и печет, сил нет, даже вечером дышать нечем.

– По радио сегодня говорили, что в июле еще жарче будет, – сказал усатый. – Но меня не жара заботит.

– А что? – поинтересовался молодой.

– Гансы, – сплюнул усатый. – Возня их тревожит. Который день гул с ихней стороны. Тихий, но знакомый. Два года назад на Халхин-Голе у самураев похоже гудело, но сильно слабее – у них техники было кот наплакал. А тут прямо сильно так, как следует шумит. И вчера днем Федотов с Игнатовым их самолет-разведчик видели, пролетел аккуратно вдоль границы. Их территория, конечно, но какого лешего он высматривал, спрашивается?

– Может, у немецких товарищей учения, – пожал плечами молодой. – Не наше это дело. Политика коммунистической партии – не поддаваться на возможные провокации несознательных элементов. И, кстати, напомню: у нас с Германией пакт о ненападении. Так что твои намеки, сержант Иванов, и сравнение немецких товарищей с японскими милитаристами тоже можно расценить как провокационные речи.

– Нашел в ком провокатора искать, – хмыкнул усатый. –

Я коммунист с двадцатого года, «Боевые заслуги» за Халхин-Гол, «Отвага» за финскую. Твой комсомольский задор, Антон, я, конечно, уважаю, но в моем случае ты точно не там копаешь.

Молодой попытался что-то возразить, но усатый это дело решительно пресек.

– Короче, кончай перекур, и треп заодно. Слушаем мотор. Особиста не встретим, будет нам от комвзвода на орехи.

Все время, пока солдаты неспешно беседовали, мой мозг в усиленном режиме обрабатывал информацию. «В июле будет жарче...» – значит, сейчас июнь. «Гансы с той стороны...» – я на границе СССР с Германией. «Два года назад на Халхин-Голе» и «самураи», которые, как в известной песне поется, в тридцать девятом году решили «перейти границу у реки»...

Зашибись, в общем.

Помнится, пожелал я тогда возле исполнителя желаний счастья для всех, как однажды сделал это один мой американский друг. И вот, пожалуйста, сбылось заодно и мое «счастье». Оказался я в июне сорок первого года на границе с Германией, которая подозрительно «гудит» по ту сторону советской границы. И, поскольку я историю в школе очень любил, то нетрудно было догадаться, почему с немецкой стороны слышится техническая движуха.

И, что самое поганое, сдайся я сейчас в плен этим солдатам и начни рассказывать, что здесь произойдет со дня на

день, – не поверит же никто. Более того, сочтут кем угодно: шпионом, провокатором, в лучшем случае психом, и ничем хорошим это не кончится...

Так что же делать?!!

Между тем усатый глянул на часы, кивнул на грунтовую дорогу с двумя продавленными колеями, тянущуюся вдоль рощи, в которой я прятался, и покачал головой:

– Опаздывает товарищ особист. Как бы в поле не заночевал. Тогда точно с утра не оберешься...

Так. Ясно. Это не патруль. Солдат послали встречать какую-то шишку из Особого отдела Народного комиссариата внутренних дел, занимавшегося военной контрразведкой. То есть серьезного дядю, который в те годы, находясь даже в несерьезном офицерском звании, обладал над простыми смертными бойцами и их командирами неограниченной властью. И дядя тот почему-то опаздывал...

План сложился в голове сам собой, я прям расслышал, как воображаемые пазлы щелкнули. В результате чего я отклеился от березы, тихо, на полусогнутых пробежал через рощу – и нырнул в зеленое море травы, которое меня, пригнувшись, скрыло с головой от посторонних взглядов.

* * *

Наверно, мне положено было в создавшейся ситуации удивляться, паниковать хотя бы слегка, выйти из равновесия

хоть немного...

Но нет. Ничего такого не было. Случись подобное со мной впервые – может быть, я б и вправду растерялся. Однако на мою долю выпало столько путешествий по различным мирам, что произошедшее я воспринял совершенно спокойно. Да, проблем сразу свалилось немало: я один, в чуждой этому миру униформе, без оружия...

Хотя без оружия ли?

В правой руке ощущалась тяжесть, будто она примерно на четверть кило была тяжелее левой. Я на бегу ощупал предплечье...

Ну да, так и есть. В последнее время мой нож «Бритва» взял себе в привычку прятаться у меня в предплечье, на входе в руку и выходе обратно причиняя нешуточную боль. Но лучше уж так, чем в чужом мире оказаться вообще без оружия. Только пусть до поры до времени оно лежит там, где лежит, ибо в ближайшее время резать я никого не собирался. Свои ж кругом. Хотя и живущие от моего реального времени на семь с лишком десятилетий, другие совершенно по менталитету, убеждениям, взглядам на жизнь – но все равно свои...

И потому сейчас у меня появилась в жизни совершенно конкретная цель – спасти бойцов той пограничной заставы, через которую, может, этой ночью, может, следующей или через одну, прокатится вал немецкой военной машины, оставив после себя лишь трупы да развалины.

Причем ради этой цели я был готов на многое. Потому что очень это непростое дело – спасти от смерти политически грамотных советских людей с огнем в большевистской груди, как поется в одной из популярных песен того времени... Тьфу, блин, этого времени.

Такие вот мысли шевелились в моей голове, пока я, по-прежнему пригнувшись, бежал по зеленому травяному морю – до тех пор, пока не услышал поток отборного русского мата, несущегося со стороны грунтовой дороги.

Я осторожно выглянул и увидел примерно то, что ожидал. Это был черный штабной легковой автомобиль ГАЗ М-1, в народе называемый просто «эмкой», возле которого стоял военный, наблюдая, как другой военный неумело меняет колесо. Понятное дело, один офицер, второй – его шофер, у которого от страха то и дело соскакивал ключ с гаек.

– Понабрали, мля, не пойми кого! – рычал офицер. – Прорбитое колесо, нах, сменить не может, полчаса уже возится!

Рык у офицера был профессиональный, хорошо поставленный, командирский, можно сказать. И униформа соответствующая – идеально подогнанная по фигуре гимнастерка, заправленные в сапоги широкие штаны – кажись, такие галифе назывались, – портупея с кобурой, кожаная полевая сумка на боку. Весь из себя, короче. И красно-желтый значок на груди с мечом, серпом и молотом и еще чем-то, отсюда не разглядеть.

То, что он орал, тренируя голос, это было просто замеча-

тельно. Когда человек так рычит, он точно не слышит, как кто-то подкрадывается к нему сзади, что позволяет ударить ребром ладони точно и расчетливо в точку под ухом, так, чтобы и не убить, и в то же время гарантированно вырубить...

Офицер все-таки услышал шаги сзади. Резко развернулся всем телом, рука метнулась к кобуре...

Но было поздно. Я ударил быстрее – и попал точно туда, куда метил.

Люблю я работу по уязвимым точкам. Она, как еще не изобретенный в это время автомат Калашникова, всегда безотказна и максимально эффективна.

Офицер обмяк, но я успел подхватить его под мышки и аккуратно прислонить к дверце автомобиля. Солдатик возле колеса сначала испуганно уставился на меня, но затем, поудобнее перехватив ключ, попытался замахнуться. Пришлось сделать шаг вперед и в сторону, после чего, легонько ткнув бойца кулаком в солнечное сплетение, отобрать ключ. Пока он пытался дышать, согнувшись, я извлек из кобуры офицера «наган» и сказал:

– Слышь, парень, скоро я тебя отпущу. И начальника твоего тоже. Если ты не будешь делать глупостей и не заставишь меня пристрелить вас обоих. Внял?

Парень кивнул.

– Тогда ответь-ка мне на пару вопросов. Какое сегодня число?

Боец, с трудом разогнувшись, уставился на меня взглядом, полным сомнения – не рехнулся ли я часом?

– Число? – с нажимом повторил я.

– Д-двадцать первое... июня...

– А год?

Во взгляде парня отчетливо прочиталось – ну все, конец мне, на психа нарвался.

– Год?! – рыкнул я.

– Сорок первый. – И уточнил на всякий случай для опасного идиота: – Тысяча девятьсот.

– Я понял, – кивнул я.

Значит, двадцать первое июня. И солнышко повисло над лесом, того и гляди за него закатится. То есть, времени в обрез. И что-то объяснять этому парню – это значит терять драгоценные минуты...

– Так, – с нажимом проговорил я, глядя парню прямо в глаза и при этом как бы сквозь него – а я знаю: когда я так делаю, рожа у меня экстремально мерзкая и жуткая. – Сейчас ты разденешь своего командира до исподнего, взвалишь его на закорки и потащишь туда, откуда вы приехали. Внял?

– Я не буду, – набычился парень. – Я комсомолец...

– А я не прошу тебя Родину предавать, – сказал я, взводя курок «нагана». – И секретных сведений не выпытываю. Я просто предлагаю тебе спасти жизнь командира. И свою заодно. Выбирай.

И он выбрал правильно, справившись с заданием доволь-

но быстро.

— Молодец, — похвалил я. — Твой командир очнется примерно через полчаса. Так что забирай его — и до свидания.

Боец довольно ловко загрузил бесчувственного офицера себе на спину — видать, спецкурсы прошел, включающие в себя искусство переноски раненых. Злобно зыркнул на меня — и пошел, куда было сказано. Ну и ладушки, ну и хорошо.

Я быстро переоделся, слегка путаясь в подгонке ремешков антикварной портупей. Но — справился. Гимнастерка оказалась на размер меньше и неприятно жала под мышками. Как и сапоги, кстати, которые пришлось надеть без портянок, прямо на мои старые носки. А вот галифе пришлось впопыхах, спасибо тогдашней, то есть современной, военной моде. Плюс я часы с непривычно большим циферблатом на запястье застегнул. Неприятно было, конечно, их с бесчувственного тела снимать под осуждающим взглядом водителя, совсем уж беспределом пахло — но тут уж извини, капитан, в ближайшее время мне твои часы очень понадобятся.

В кармашке щегольской гимнастерки обнаружилось красное удостоверение капитана Особого отдела НКВД. Годная корочка, пригодится. Быстро осмотрев содержимое полевой сумки, я обнаружил в ней карту местности, какие-то малоинтересные штабные документы и картонную папку с надписью «Дело», в которой нашел лишь слегка помятую бумажку, заполненную рукописным текстом.

«Донесение, – прочитал я. – Я, член ВЛКСМ, рядовой погранвойск Сапрыкин Антон Сергеевич, обязан доложить о том, что сержант Иванов Иван Андреевич ведет подрывную деятельность среди личного состава нашей заставы, высказываясь о том, что немецкие рабочие и крестьяне могут в ближайшее время напасть на нашу Родину...»

Я скривился, невольно сплюнул. Появилось стойкое желание вымыть руки, держащие это. Вот оно как, значит. Тот идейный молодой пограничник решил сдать умудренного локальными конфликтами усатого ветерана, послав донос куда следует, и по этому поводу из печально известного ведомства на заставу был направлен капитан НКВД для разбирательства.

Впрочем, ничего удивительного. Какое время – такие и люди. Но, как бы там ни было, миллионы этих людей погибли в ужасной войне для того, чтобы мы могли жить в нашем времени, и не мне их судить. Мне их спасти надо. Всех не получится, так хоть некоторых из них.

И это сейчас главное.

Но для этого нужно было кое-что еще...

Вдоль дороги стояли деревянные столбы с проводами. По ходу, и электричество, и связь для заставы. Шестью выстрелами из «нагана» я лишил пограничников и того, и другого, расстреляв белые фарфоровые изоляторы, отлично видимые даже в сгущающихся сумерках. После чего быстро докрутил гайки на сменном колесе, отпер дверь, открывающуюся в

непривычную сторону, сел на водительское сиденье, завел «эмку» и поехал по грунтовке в сторону заставы.

* * *

Они там и стояли, возле поворота, сержант Иванов и рядовой Сапрыкин, тот, что подвел своего сослуживца под печально знаменитую пятьдесят восьмую статью, которая с учетом того, что обвиняемый был военнотружачим, стопроцентно гарантировала ему расстрел. Хотя вряд ли можно судить советских граждан за то, что они по малейшему подозрению «стучали» на знакомых и незнакомых – та же «пятьдесят восьмая» за недонесение карала весьма сурово...

Завидев черную «эмку», оба бойца вытянулись и отдали честь. Прямо как на параде. Ладно.

Возле них я притормозил и кивнул:

– Садитесь.

Судя по тому, как бойцы переглянулись, я понял, что сделал что-то странное – видимо, у энкавэдэшников подвозить пограничников было не принято. Но я тут же исправил ситуацию:

– Дорогу покажете.

Бойцы вроде «отмазку» приняли, загрузились в «эмку» – и мы поехали. В принципе, дорога вела в одном направлении, так что помощи от них не требовалось. Лишь один раз молодой подал голос сзади:

– Товарищ капитан, а где ваш водитель? Вам вроде по званию положено...

– Предпочитаю вести машину сам, руки вроде пока не отсохли, – рыкнул я, подражая голосу вырубленного мной офицера. – Еще вопросы, солдат?

– Н-никак нет, – слегка заикнувшись, проговорил Сапрыкин. И замолчал, словно воды в рот набрал.

Я понимал, что веду себя как последний урод. И что для того, чтобы мой план удался, мне придется стать им на время, ибо лишь нахрапом и лютым командирским рыком удастся мне притупить бдительность советских бойцов, которые в противном случае вмиг распознают, что капитан-то не настоящий...

Застава произвела на меня удручающее впечатление. Длинная кирпичная казарма, небольшой бревенчатый домик – видимо, для офицеров, – плац, тренировочная площадка, кухня, из трубы которой вился хилый дымок, еще несколько скромных одноэтажных строений – небось, клуб, склады, гаражи.

Все...

Правда, возле казармы я заметил броневики и две небольшие пушки, стволы которых были зачехлены. Ну правильно, а чего их расчехлять, когда там, за проволокой, немецкие товарищи?

Пограничники занимались своими делами: один плац подметал, второй в моторе трактора возился, на котором, на-

верно, контрольно-следовую полосу и распахивали, третий с ведром картошки направлялся на кухню. Но едва черная «эмка» въехала в ворота, бойцы замерли как по команде, словно чудовище увидели.

Я остановил машину, вышел. Огляделся.

Хреново...

Застава словно на столе стоит. Укрытий никаких, даже мешков с песком нет. Только невысокий деревянный забор, который моя «эмка» снесет, если хорошо разгонится. То есть об обороне не может быть и речи... Хотя какая оборона, о чем я? Через несколько часов через границу СССР перевалит военная машина, армада, которая подмяла под себя Европу. Что для них какая-то застава? Так, мишень для одного залпа, после которого здесь никого в живых не останется. Правда, вон там, примерно за полтора километра отсюда, начинался лес. Не рощица, а вполне себе взрослая лесополоса. Ага. Возможно, это шанс...

Я бросил через плечо:

– Командира мне сюда. Быстро.

Впрочем, ко мне уже направлялся офицер, на ходу поправляя портупею. Я в этих шпалах-ромбиках на лацканах гимнастеров пока не особо разбирался, но по решительному выражению лица, походке и развороту плеч было понятно, что это, скорее всего, командир заставы.

Подойдя, офицер вскинул руку к фуражке.

– Товарищ капитан, разрешите представиться. Капитан

Арсентьев, начальник заставы...

— Это хорошо, что начальник, — перебил его я, проигнорировав ответное воинское приветствие. — Значит, так, капитан Арсентьев. Приказываю немедленно приступить к эвакуации заставы. Весь запас патронов, снарядов и провизии взять с собой. Выдвигаемся в сторону леса. На сборы полчаса. Кстати, какова численность личного состава и какой транспорт еще есть в наличии?

— Численность сорок два человека... — проговорил капитан, глядя на меня круглыми глазами. — Два грузовика еще есть...

— Отлично, — кивнул я. — Пушки цепляем к грузовикам, бойцы разместятся в них и на броневику. Приказ ясен?

— Так точно, ясен, — отвердевшим голосом произнес капитан, немного пришедший в себя. — Правда, приказ довольно странный. Разрешите поинтересоваться, по какому поводу эвакуация заставы? И кто отдал такой приказ?

К нам начали нерешительно подходить бойцы. Один в очках и с двумя «шпалами» на лацканах: небось, замначальника заставы. Вот он, тот самый момент, когда дашь слабинку — и все. Свяжут подозрительного капитана, кинут в кирпичный сарай до выяснения обстоятельств, и придется погибать вместе с этими парнями, жизнь которых сейчас зависит только от меня.

И тогда я начал орать.

— Приказ отдал я!!! Вы называете его странным, офицер?!

Вам нужны какие-то разъяснения? Это саботаж, капитан Арсентьев! Еще одно слово, и мне придется вас арестовать как врага народа!

Признаться, мне было жаль этого пограничника, лицо которого мигом стало белым как полотно. Но я ничего не мог поделать. Говорить правду было бессмысленно и опасно для жизни. Потому сейчас я играл крайне мерзкую для меня роль, которую вынужден был играть...

Видя, что капитан в замешательстве, я добил его, несколько снизив децибелы.

– Ты хочешь знать, чей это приказ, капитан? Хорошо, знай. Это личное указание Лаврентия Павловича Берии. Вдаваться в детали не имею права. Если есть сомнения – звони в штаб. Только быстро, каждая минута на счету.

И в последнем предложении я не соврал ни на одну букву.

Я не сомневался, правильно ли назвал имя-отчество наркома, ибо в голове очень к месту вспомнилось окончание детского стишка этих времен, который я где-то когда-то прочитал: «... ликует пионерия, сегодня в гости к нам пришел Лаврентий Палыч Берия». Кстати, при упоминании этих имени-отчества-фамилии капитана чуть удар не хватил. Но он нашел в себе силы повернуться и крикнуть подсевшим голосом:

– Петренко, срочно звони в штаб.

– Никак нэт, трищ капитан, – донеслось из домика, окна которого были распахнуты настежь из-за удушливой жары. –

Связи нэма. И электричества. Подождать трэба, когда дадут.

– Бардак, – сухо бросил я. – Разговор окончен, капитан. Или вы немедленно выполняете приказ, или...

– Я остаюсь на вверенном мне объекте, который не имею права покидать без письменного предписания вышестоящего начальства, – твердо произнес капитан. – Также со мной останутся бойцы, которым все происходящее кажется странным. А вы, товарищ капитан, поступайте, как считаете нужным. Перед советским судом я готов ответить.

Что ж, я видел его побелевшее лицо, упрямо сжатые бледные губы, капли пота на лбу. Сколько ему? Тридцати ж нет еще, а уже капитан, начальник заставы. И все правильно он сейчас делает. Поступает как настоящий офицер, для которого долг превышает угрозы обвинения в измене, который не боится попасть под расстрельную пятьдесят восьмую статью...

Зря.

Лучше бы он испугался...

Однако я не мог силой уволочь с заставы ее начальника. Но зато мог попытаться увести с нее бойцов.

– Данной мне властью я лишаю вас занимаемой должности и принимаю командование заставой на себя, – громко сказал я. – За неподчинение приказу вы ответите по всей строгости закона, не сомневайтесь. Остальные, слушай мою команду! Немедленно подготовить заставу к эвакуации. С собой брать только оружие, боеприпасы, провиант, медика-

менты...

Я продолжал отдавать приказы, тыкая пальцем то в одного, то в другого – и бойцы неуверенно начали двигаться, периодически оглядываясь на командира, который стоял... и не предпринимал никаких действий. Если б он сейчас попытался меня переорать, возражал, может, даже за пистолет схватился – думаю, бойцы снесли бы меня с ног, повалили, связали и вместе с командиром начали выяснять, куда делась связь, почему особист приехал один, достали б у меня из кармана удостоверение с чужой фотографией, и тогда бы мне наверняка не поздоровилось. Но когда начальство молчит, люди склонны слушать того, кто громче орет, – а орал я знатно.

И у меня получилось!

Менее чем за полчаса вышколенные пограничники погрузили в архаичные с виду грузовики ЗИС-5 все необходимое и теперь смотрели на меня, ожидая дальнейших указаний.

– Последний раз спрашиваю – ты с нами, капитан? – негромко произнес я. – Нам сейчас очень понадобится каждая пара рук.

Но начальник заставы ничего не ответил. Развернулся – и пошел прочь, к казарме. И следом за ним одиннадцать бойцов, в основном младшие офицеры, включая заместителя в очках.

Плохо... Очень плохо. Но тут я уже ничего не мог поделать. Попытка арестовать упрямого командира могла закон-

читься как угодно, а у меня реально была на счету каждая секунда, потому что солнце уже почти закатилось за горизонт, вот-вот совсем стемнеет.

— По машинам, — скомандовал я и первый подал пример, загрузившись в свою «эмку». Которая, кстати, безнадежно застряла в грязи, как только я съехал с дороги и двинул по направлению к лесу. В результате до линии деревьев я доехал, болтаясь в кильватере броневика, к которому тросом прицепили штабную машину.

Лес, кстати, оказался годным. Густым, с толстенными деревьями. И сырым благодаря буйной листве, не пропускающей солнечные лучи. Это хорошо, не загорится, когда начнется...

А потом я снова удивил пограничников, приказав заковать броневик на кромке леса по самую башню, а маленькие пушки, ожидаемо оказавшиеся «сорокапятками», расположить по бокам броневика, метрах в двадцати от него, в окопах с земляными брустверами.

Бойцы работали молча при свете фар грузовиков и летней луны, которая щедро отражала свет невидимого нами солнца. Думаю, каждый из пограничников на все лады гонял в голове одну и ту же мысль: «Какого хрена происходит?»

Но высказывать ее никто не решился. В те времена Особый отдел НКВД имел практически неограниченную власть над жизнями и судьбами людей, и, как я понимаю, будь я реальным капитаном Особого отдела, действительно герои-

ческий поступок начальника заставы был бы равносильным его самоубийству. Потому бойцы, ни проронив ни слова, трудились всю ночь не покладая рук...

До тех пор, пока работа была не сделана полностью.

* * *

Летом светает рано. Солнце еще не показалось, а небо уже из черного превратилось в темно-синее. Я глянул на трофейные часы, снятые с настоящего капитана.

Без четверти четыре.

Скоро начнется...

Я придирчиво осмотрел позицию. Неважно, конечно, но в данных условиях лучше ничего не сделать. Броневики и пушки защищены свежескошенной землей по максимуму и замаскированы раскидистыми зелеными ветвями. Темная громада леса сзади – в плюс, на ее фоне позиция теряется, сливается с деревьями, со ста метров хрен разглядишь. Конечно, как только мы начнем стрелять, вся маскировка потеряет смысл, но мне было важно, чтоб позицию не обнаружили до поры до времени. А там уж как повезет...

– Знаешь чего?

Я обернулся.

Ну да, тот самый усатый сержант-ветеран. Стоит, смотрит с прищуром.

– Ты о чем, солдат? На «вы» к старшему по званию обра-

щаться не учили?

Тот усмехнулся, подошел ближе. Сказал тихо, почти на ухо, чтоб другие не слышали:

– Насчет «на вы» обойдешься. О том, что из тебя особист, как из навоза пуля. Начзаставы пацан, пороху не нюхал. Сюда назначили то ли по ошибке, то ли сверху решили, что пора парню проветриться, реальной службы понюхать, людьми покомандовать. Другой бы тебя мигом вычислил.

Больше скрываться не было смысла, потому как на часах уже без десяти четыре...

– И где ж я прокололся? – усмехнулся я.

– Да везде, – спокойно проговорил сержант, ловко сворачивая самокрутку. – Водителя нет, рожа небритая, гимнастерка не по размеру, у сапог голенища не в плотный обхват, стало быть, без портянок обувался. И чушь нес такую, что уши вяли. Криком взял начальника нашего, на голос, напором.

– Ну допустим, – криво улыбнулся я. – Так что ж ты меня не сдал?

– А по делу ты все предложил, вот и не сдал, – пожал плечами сержант. – До Бреста можно было, конечно, доехать за пару часов, крепость там знатная, но если гансы всеми своими силами двинут, то не устоять ей. Так что коль они сегодня ночью попрут, твоя задумка единственно верная. Сегодня же?

Я кивнул.

– Сегодня.

– Так я и думал, – вздохнул сержант. – Звать-то тебя как?

– Иваном.

– И меня так же. Тезки, стало быть.

– Ага, – отозвался я. – Короче так, Иван. Лучше будет, чтоб пока о твоих догадках люди не знали, иначе все сегодня в землю ляжем. А я хочу побольше бойцов спасти – если выйдет, конечно. И фрицам заодно рыло полирнуть до мяса, а козь получится, и до кости.

– Фрицам?

– Ага. Так мы их зовем.

– Где там?

– Там, откуда я сюда прибыл.

Сержант кивнул. Думал, спросит откуда. Не спросил. То ли не счел нужным, то ли понял чего. У того, кто две войны прошел, чуйка должна быть как у настоящего сталкера – вон как он меня лихо просчитал...

А потом там, со стороны границы, загудело.

Сначала тихо так, а потом по нарастающей.

И тогда мы увидели это...

Небо в черных точках, надвигающихся со стороны Германии, неторопливо так, уверенно ползущих по рассветной синеве в нашу сторону. Много точек. Мириады. Все небо они заполнили, постепенно увеличиваясь в размерах и превращаясь в десятки, сотни самолетов...

А потом воздух разорвали грохот и вой. И в следующее

мгновение там, в двух километрах от нас, вздыбилась земля, взлетела кверху, подброшенная огненными фонтанами. Я впервые воочию видел, что такое массированная артиллерийская подготовка, когда орудия методично, квадрат за квадратом превращают позиции противника в горы разорванной в клочья земли.

На том месте, где была застава, теперь бушевало море огня и дыма. Для того, чтобы снести несколько невзрачных зданий, хватило бы и одной десятой того огненного ада. Но немцы народ педантичный, привыкший все делать качественно, с гарантией. Поэтому артподготовка продолжалась еще ровно полчаса, и лишь после этого наши уши обволокла мягкая тишина.

Которая продолжалась недолго...

Почти сразу мы слышали звуки далеких разрывов на востоке, частых, словно там работало несколько пулеметов величиной с дом. Это бомбардировщики планомерно уничтожали аэродромы с не успевшими взлететь самолетами, гаражи со стоящей в них военной техникой и казармы с так и не проснувшимися бойцами...

А потом чрез границу двинулись они – навстречу восходящему солнцу. Самоуверенные, с засученными рукавами, с винтовками в руках и белозубыми улыбками на лицах. Фюрер обещал им блицкриг, молниеносную войну, где они бы так же легко прогулялись по России, как по Парижу, заполучив во владение огромные территории и целые толпы по-

слушных рабов. И вот они уже идут по этой земле, перепашанной артиллерией, и рассматривают первые трупы, изуродованные снарядами. Эх, капитан Арсентьев, зря ты меня не послушался...

Все это я видел в бинокль, который нашелся в одном из грузовиков – тех, что сейчас стояли в лесу, тщательно замаскированные ветвями деревьев. До немцев, осторожно вышагивающих между воронками, было еще приличное расстояние. Пусть подойдут поближе...

– Да что же это? – раздался сбоку от меня звонкий крик. – Как же так? Это какое-то недоразумение! Немецкие товарищи ошиблись...

Орал уже хорошо знакомый мне рядовой Сапрыкин, которому я, сделав два быстрых шага, с ходу нанес короткий удар кулаком в челюсть.

Солдат, не ожидавший подобного, рухнул на спину, выронив винтовку. И, глядя на меня глазами, полными ненависти, прошипел, вытирая рукавом кровь с разбитой губы:

– Вы не имеете права! Я комсомолец...

– Гнида ты, а не комсомолец, – равнодушно сказал я. После чего вытащил из нагрудного кармана гимнастерки листок с доносом, смял его в кулаке и швырнул Сапрыкину в лицо.

Ударившись о щеку солдата, бумажка упала на землю, под ноги сержанту Иванову. Ветеран поднял ее, развернул, пробежался глазами по тексту... и даже не изменился в лице. Вот это самообладание! Не каждый может так держать себя

в руках, читая фактически смертный приговор. А этот лишь усмехнулся, расправил листок, сложил его вчетверо и спрятал за пазуху:

– Хорошая бумажка, – сказал. – Сгодится на самокрутки.

И направился к закопанному броневику, бросив через плечо:

– Ну что, я в башню, к сорокапятке. Командуй, командир.

Я понимал: не у всех бойцов такие нервы и такой опыт, как у сержанта Иванова. Сейчас пограничники в шоке от увиденного, и от того, как поведу себя я, зависит дальнейшая судьба этих людей.

И я сделал то, что должен был сделать.

– Товарищи, – негромко сказал я. – Это война. Немецко-фашистские войска напали на нашу Родину. Вы видели, что они сделали с заставой и с теми, кто на ней остался. И единственное, что мы можем сделать сейчас, – это отомстить за погибших.

Я не мастер мотивирующих речей. Но в подобной ситуации растерянным людям нужен кто-то, кто пусть коряво, но объяснит, что произошло и что нужно делать.

И, кажется, я все сказал так, как надо.

Пограничники, которые минуту назад стояли, словно громом пораженные, вдруг стали совершенно другими людьми.

Сосредоточенными.

Напряженными.

И очень злыми.

— А я гансам никогда не доверял, — сказал крепкий пограничник, хрустнув огромными кулаками. — Они в мировую войну деда моего в крепости Осовец хлором задушили. Подлая атака была. Такая же, как сейчас. Спасибо тебе, командир, что дал возможность за деда поквитаться.

Я кивнул, а про себя слегка порадовался. Второй боец называл меня командиром, и никто это не оспорил, даже Сапрыкин, который, утерев кровь с лица, подобрал винтовку и направился к укрытию, которое мы наскоро соорудили на краю леса.

Копать ростовые окопы времени не было, поэтому мы соорудили нечто вроде бруствера для стрельбы лежа, замаскировав его ветками. Можно было, конечно, в лесу спрятаться и стрелять из-за деревьев, но я боялся, что крупной щепой народ посечет не хуже, чем осколками, да и падающие стволы тоже штука неприятная. Потому лес остался за нашими спинами, делая нас невидимыми на его темном фоне.

До поры до времени, разумеется.

А между тем время настало...

Немцев было много. Очень много. Полк как минимум шел через наш участок границы. И техника — тоже. С виду немецкие танки начала войны выглядели не особо серьезно. Далеко не «тигры» и не «пантеры», которые летом сорок первого существовали лишь на черновых чертежах.

Но их, этих небольших и маневренных танков, перло через границу около трех десятков, что для моего небольшого

отряда было более чем достаточно.

Правда, было одно но...

Поняв, что гипотетический противник уничтожен и сопротивления не предвидится, танковая лавина, объехав воронки, потихоньку перестроилась в походную колонну, которая двинулась по дороге, ведущей на восток. Хорошая такая дорога, грунтовая, правильная. Российская. Двум танкам на ней никак не разъехаться. Справа заболоченная местность, с камышами и лягушками. А слева, метрах в четырехстах, собственно, наш лес, отделенный от дороги широкой полосой грязи, через которую мы еле пробрались с нашей техникой – и то лишь потому, что пограничники хорошо знали местность.

В отличие от немцев.

– Артиллеристы, приготовиться, – скомандовал я. – Первое орудие по первой машине, второе и третье по замыкающей, бронебойными – огонь!

Первым орудием я обозвал сорокапятимиллиметровую пушку, торчащую из башни закопанного броневика. Вторым и третьим – две «сорокапятки» по бокам от него.

Все орудия рывкнули почти синхронно... и получилось так себе.

Один снаряд улетел в белый свет как в копеечку, второй сорвал гусеницу у первого танка, а третий... Третий просто раскололся о броню замыкающего, не причинив ему никакого вреда.

– Перезарядка бронебойными, – заорал я. – Огонь из всех орудий по замыкающей машине! Пехота, огонь по противнику!

На этот раз получилось лучше. Замыкающий танк с торчащими из башни двумя пулеметами вздрогнул, поймав в тушку три бронебойных, – и полыхнул огнем. Нормально. И еще неплохо бойцы по пехоте отработали.

У нас в распоряжении помимо «мосинок» было три пехотных пулемета Дегтярева, которые застрочили разом.

И весьма результативно.

Фрицы шли не таясь, в полный рост. Идеальные мишени. И когда сообразили, что происходит, по ним пулеметчики уже по половине диска отработали, нехило так накосив вражьей силы. Десятка три, не меньше, рухнули на советскую землю, пятная ее кровью и корчась от невыносимой боли. Остальные залегли, но помогло это мало – сейчас они были как на ладони, плюс деморализованы, что позволило пограничникам отправить в Край вечной войны еще примерно столько же, пока враги наконец сообразили, откуда стреляют, и открыли ответный огонь.

Вот тут нам очень помогли земляные брустверы. Земля хороша тем, что в отличие от бетона и дерева не дает осколков и щепы, которые на близком расстоянии ранят не хуже осколков. Пули просто вязнут в земле, не причиняя вреда людям, скрывающимся за ней.

Видимо, разведка фрицев показала, что разумнее на за-

чистку территории, по которой уже прошли артиллерия и авиация, послать легкие танки, вооруженные двумя пулеметами. Из этих довольно неказистых с виду машин и полился на нас ответный огонь, плюс залегшая пехота к ним присоединилась. Но до этого, пользуясь эффектом неожиданности, мы успели вывести из строя еще три танка – одному башню сорвало, у другого баки вспыхнули, а третьему снаряд гусеницу сшиб. Короче, встала колонна, ни туда, ни сюда...

Но и моим бойцам несладко пришлось, когда на нашу позицию обрушился свинцовый ливень. Я скомандовал залечь, а сам к ближайшей пушке бросился – там наводчику, высунувшемуся из-за щита, пуля прямо в лоб прилетела.

Итого там двое осталось – заряжающий и подносчик. Молодые парни, сразу видать, необстрелянные, с глазами, круглыми от ужаса. Понятное дело, впервые увидеть мозги товарища, разбросанные по земле, то еще испытание.

– Рррработаем, мужики! – рявкнул я, соображая, куда какую рукоятку крутить. Так, вроде ничего сложного. Эта вправо-влево ствол поворачивает, эта вверх-вниз. А прицел – не до него, некогда целиться по науке. Я с вечера был на нервах, а когда их так выкручивает, я становлюсь ближе к своему Предназначению – или проклятию, это уж как назовешь, так и будет. И в это время во мне порой просыпается нечто, когда я начинаю чувствовать оружие, словно оно стало частью меня.

И с пушкой такое произошло. Лишь коснулся разогретого металла, на который кровь наводчика брызнула, – и все. Картина боя совсем другой стала...

Буханье сорокапятки нашего броневика справа, визг пуль, частые удары их по щиту пушки, крики людей – все это исчезло. Остались лишь я, пушка, немецкие танки на дороге – и мои руки, с невероятной скоростью крутящие рукоятки, которые я видел словно отдельно от себя...

А потом я начал стрелять...

Я не знаю кто подносил снаряды, кто заряжал «сорокапятку». Я слышал лишь, словно во сне, как сбоку вскрикнул кто-то, и мне на щеку упала горячая капля. Но это не помешало моим рукам работать, а мне смотреть на поле боя так, словно передо мною не было бронированного щита. Немецкие танки были какими-то плоскими, словно картонными – и очень медленными, уязвимыми. Некоторые пытались съехать с дороги, подставляя корму – и получали снаряд под башню. Я не целился, я просто чувствовал смертоносный цилиндр в стволе «сорокапятки» – а потом посылал его, куда наметил. Несложное занятие, как дрова рубишь, не думая о топоре в руках, – просто смотришь на цели и бьешь, бьешь, бьешь...

Прошло совсем немного времени, а на дороге горели уже почти два десятка машин. Думаю, мы с пограничниками всю колонну пустили бы в расход, если б к врагу не подошло подкрепление...

Это была вторая волна вражьей силы и техники, перева-

лившая через границу. Фрицы уже поняли, что впереди идет не зачистка недобитого противника, а самый настоящий бой – в котором они приняли участие весьма активно.

В этой второй волне были танки посерьезнее, вооруженные не только пулеметами, но и пушками. Из которых по нашей позиции они и шарахнули.

Земля взметнулась вверх, завизжали осколки. Кто-то страшно закричал – и этот крик моментально вышиб меня из состояния боевого безумия.

И я сразу почувствовал боль – то огнем горела кожа на до крови стертых ладонях рук, неистово вращавших рукоятки пушки.

К счастью, способность нормально соображать вернулась ко мне довольно быстро. Расстояние до новой волны немецких танков было приличное, но я понял – еще несколько минут, и они, приблизившись, прицельным огнем превратят наш отряд в кучу разорванного мяса.

– Отходим! – заорал я.

Пушки, конечно, взять с собой было нереально. Поэтому мы лишь разбили выстрелами прицелы, а когда Иванов вылез из броневика, закинули в люк две гранаты. Боезапас рванул внутри, башня вздрогнула и скособочилась. То есть пушки и броневик врагу полностью исправными не достанутся.

И мы ушли, неся на себе убитых, – к грузовикам, которые удалось спрятать на поляне в чаще. К сожалению, недалеко, потому что меж деревьями особо не покатаешься.

Действовать надо было быстро, но у нас все было заготовлено заранее. Бойцы похватали вещевые и продовольственные мешки, совсем не похожие на удобные рюкзаки моего времени, четыре ящика с патронами и гранатами, две канистры с водой. К сожалению, хоронить мертвецов времени не было – немцы вот-вот должны были очухаться и вполне могли погнаться за нами в лес. Поэтому мертвых мы сложили в кузов одного из грузовиков, который облили бензином и подожгли. По мне, так даже лучше, чем в земле гнить.

Уходили быстро, так как фрицы все-таки в лес сунулись, и против превосходящих сил противника ловить нам было нечего. Хорошо еще, что тяжелораненых не было – одному бойцу лишь пулей кожу с плеча содрало, а второго выше уха чиркнуло по касательной. Перевязали их – и нормально. Идти могут – так вообще зашибись.

В бою мы потеряли девятых. Много это? Мало? Не знаю... Но если б я не увел пограничников с заставы, они бы все остались там, среди развалин, разорванные на куски снарядами, изрешеченные пулями. А сейчас за мной шли бойцы, числом двадцать один человек. Живые. Выжившие в бою, который для многих из них был первым. И, наверно, это был неплохой результат.

Наверно...

– Слышь, командир?

Я обернулся.

Ага, опять тетка, сержант Иванов. Протягивает мне ме-

шок с завязкой наверху.

– Я тебе тут собрал кое-что, еще на складе. Две пары тонких портянок, сухпай, ложка, фляга с водой.

– Спасибо, фронтовик, – кивнул я, принимая подарок.

– Привал бы хорошо для ребят сделать, – осторожно намекнул Иван. – Многие от пережитого еле на ногах держатся. Первый бой – самый трудный.

Я кивнул.

Мы и правда значительно углубились в чащу, вряд ли фрицы рискнут так глубоко в незнакомый лес сунуться. Да и не до нас им сейчас. Погнались было, разъярившись, но их, поди, тут же командиры и осадили. Им глобальный дранг нах остен надо продвигать, а не за двумя десятками красноармейцев по лесам гоняться.

– Привал, – скомандовал я. – Костры не разжигать, продукты и воду экономить, переобуться. Патроны и гранаты распределить поровну.

Бойцы устало расселись под деревьями, достали из продмешков советские сухпай, завернутые в тряпицы и газеты. Сухари, тушенка в банках без опознавательных знаков, луковицы, сало, сушеная рыба, сыр. Бесхитростно – и сытно.

Я тоже присел на густую траву – и вдруг как-то сразу ощутил, как ломят мышцы и насколько пересохло в горле. У меня всегда так после того, как тело отработает бой в ускоренном режиме. Поэтому треть фляги с водой я осушил сразу и оторвался от нее лишь усилием воли. Черт его знает, сколько

нам придется по лесам шататься, а родник на пути или речка могут и не встретиться.

В мешке оказался шмат колбасы, буханка хлеба, две консервы, лук. Жрать хотелось нереально, поэтому я с ходу заточил колбасу, полбуханки хлеба, цельную луковицу – и почувствовал что-то похожее на счастье, во всяком случае в желудке. Колбаса, кстати, показалась нереально вкусной. Наверно, она такой должна и быть, полностью натуральная, без консервантов и химических наполнителей. А может, я просто слишком сильно проголодался.

Набив брюхо, я снял сапоги, выбросил носки, порвавшиеся от тесного контакта с жесткой стелькой, и накрутил действительно тонкие портянки. Годное изобретение, кстати, для солдата самое то. Намочил ноги, снял сапоги, перевернул портянку – и снова стопы сухие, а это главное. И иди себе дальше, пока сырая часть портянки на икре сушится от тепла твоего тела. Не лучший вариант, конечно, но оптимальный, если другого выхода нет. А то потерял современный боец запас носков – и пиши пропало, хлюпай сырыми берцами по болоту и мечтай о сапогах...

Я и не заметил, как бойцы потихоньку придвинулись ко мне. Сидят, разглядывают, словно чуду-юду какую.

– Парни, вы чего? – настороженно поинтересовался я.

– Мы так, – пожал плечами самый смелый рядовой. – Разрешите обратиться?

– Разрешаю.

– Ну это... Дык... Понять бы, как вы это сделали.

– Чего сделал? – не понял я.

– Вы ж в одиночку одиннадцать танков подбили, я считал. Меньше чем за пять минут. И ни разу не промахнулись. Я только успевал снаряды подносить – когда Гришу убило, я вместо него встал. Каждый снаряд или под башню, или в бак. Это в Особом отделе так стрелять учат?

– Ага, – кивнул я. – В нем. Еще вопросы, солдат?

– Так точно...

– Ну? Чего мнешься, говори давай.

Парень нахмурился, решаясь, – и выбросил из себя:

– Что дальше, командир? Куда мы теперь?

Вопрос был хорошим. Я б сам был рад на него ответить, только вот ответа не было. За сегодняшний день местность, где мы находимся, станет глубоким немецким тылом, по которому фрицы будут шастать, как у себя дома. Ну и какой смысл был спасать этих людей от смерти? Для того, чтоб они один лишний день прожили и погибли в неравном бою либо попали в немецкий плен? Еще неизвестно, что хуже – быстро умереть от пули или долгие месяцы терпеть издевательства фашистов.

Как бы там ни было, теперь я ощущал ответственность за этих людей. Я был просто обязан довести их до своих... И когда я вот так, сжав до боли кулаки, напрягаю извилины, они порой выдают идеи. Не всегда прям на сто процентов годные, но когда других нет, и такие сгодятся.

Я достал карту, доставшуюся мне от особиста.

Так.

Граница леса здесь, примерно в километре от того места, где мы находимся. Далее карта-трехверстовка заканчивалась, но было понятно, что далее будет открытая местность, по которой днем отряду незаметно не пробраться. Да и ночью не получится – немцы наверняка все предусмотрели, и данная местность будет активно патрулироваться. Ну что ж, может, оно даже и к лучшему.

Я приказал расставить посты вокруг нашего маленького лагеря, после чего отдал приказ, многим показавшийся странным: спать. По очереди. Выспаться впрок как следует. Оставил сержанта Иванова за старшего, а сам ушел, сказав, что вернусь ближе к вечеру.

– А если не вернешься? – поинтересовался Иванов.

Я внимательно посмотрел ему в глаза и сказал:

– Значит, дальше ты будешь командовать вместо меня.

* * *

Лес закончился быстрее, чем ожидалось. Я выглянул из-за дерева, приложил к глазам бинокль – и вздохнул, увидев примерно то, что ожидал увидеть.

Сразу за лесом находилось крупное село, хат на сорок, выглядящих довольно скромно – одноэтажные деревянные строения, потемневшие от времени. При этом виднелись

среди них дома поновее, посолиднее и побольше – небось, сельсовет, школа, клуб.

И везде были немцы.

Они вели себя вольготно, как дома. Один под гогот сослуживцев гонялся с длинным штык-ножом за свиньей, другой ковырялся в моторе бронетранспортера, третий полировал стекла черной штабной машины, припарковавшейся возле единственного в селе двухэтажного здания. Ну и патрули шастали вокруг села, поглядывая в сторону леса, – видать, опасались, как бы оттуда советская пуля не прилетела.

Но это они зря. Я ж не debil с наганом лезть на целую толпу вооруженных врагов, расположившихся в селе на обед. Судя по всему, это было что-то вроде роты обеспечения: пока главные силы перли на восток, эти организовывали войскам комфортный тыл. Грамотно обставлялись, с немецкой основательностью. И сразу же заготовкой продуктов занялись. Фриц с штык-ножом наконец настиг свинью и заколол под аплодисменты зрителей, еще трое солдат вывели из коровника мощного быка, убили выстрелом в голову из винтовки и тут же принялись разделывать.

Жителей села видно не было.

Зато их было слышно...

На краю села находился габаритный сарай – сено в нем запасали, дрова или еще чего, не силен я в крестьянских делах. Но сейчас из того сарая доносился многоголосый бабий вой и детский плач. И у ворот – два фашиста с винтовками.

Ясно. Чтоб местные под ногами не путались, за руки не хватали, когда их скотину резать будут, деревенских в сарай определили. И караул выставили. Ну, остается надеяться, что потом, после окончания заготовки мяса, их оттуда выпустят – кому то ж надо будет разделанные туши на грузовики закидывать, что стоят вон там, в конце села.

Дислокацию роты я примерно понял и уже собрался уходить к своим, когда увидел, как к караульным подошел офицер и что-то приказал. Один фриц тут же убежал куда-то, второй, отчаянно жестикулируя, принялся что-то тому офицеру доказывать, но, видимо, прерванный резким окриком, вытянулся и козырнул, приложив руку к каске.

Я ждал, вмиг вспотевшими ладонями сжимая бинокль.

И дождался.

Убежавший караульный вернулся с канистрой, из которой принялся поливать бревенчатые стены по периметру. Тем временем по приказу офицера несколько пехотинцев подперли ворота сарая толстыми бревнами...

А я смотрел, закусив губу до крови и понимая, что ничего не смогу сделать против целой роты. Даже если замедлю личное время, даже если ринусь на них с «Бритвой»... Да, убью двоих, троих, может, больше. Но остальные точно меня прикончат, а следом гарантированно погибнут или попадут в плен бойцы, которые ждут меня в лесу...

И я смотрел, как офицер, прикурив сигарету, с наслаждением затянулся, а потом небрежным щелчком отправил ее в

стену сарая...

Одна стена занялась сразу, за ней огонь перекинулся на соломенную крышу... Сарай горел неохотно, больше чадил – видать, недавно дождь прошел и древесина была сыровата.

А внутри кричали люди...

Таких страшных криков я никогда не слышал, и, надеюсь, больше не услышу. Хотелось заткнуть уши и убежать, чтобы не слышать этого, – но я стоял, чувствуя, как во мне разгорается такая лютая ненависть, которой у меня не было никогда и ни к кому. И если раньше я надеялся обойтись малой кровью, не рискуя своими бойцами, то сейчас понимал: после того, как я им расскажу об этом сарае, ни один из них не уйдет отсюда, пока эта немецкая рота не будет вырезана до последнего фашиста.

Люди кричали долго, минут десять, которые для меня превратились в вечность... Потом затихли, лишь трещало, прогорая, сырое дерево...

А офицер постоял еще немного, послушал, убедился, что внутри сарая никто больше не подает признаков жизни, – и что-то выкрикнул, после чего десяток солдат принялись таскать ведрами воду из колодца и заливать пожарище. Понятно для чего, чтоб огонь не перекинулся на другие хаты, в которых немцы, похоже, собрались заночевать.

Я же с трудом разжал пальцы, стиснувшие бинокль – как только я его не раздавил, не понимаю... Потом несколько раз глубоко вдохнул-выдохнул, чтобы унять дрожь во всем

теле, — и пошел обратно к своим...

Когда я вернулся и рассказал о том, что видел, мне не поверили.

— Не может такого быть, — мотнул головой рядовой Сапрыкин. — Можете ударить меня еще раз, товарищ капитан, но это неправда. Немецкие товарищи...

— Ты совсем дурак? — перебил его сержант Иванов. — Какие, мать твою, товарищи? Они границу перешли, разбомбили заставу и два десятка наших убили. И продолжают убивать. Разрывы слышишь на востоке? Думаешь, это фейерверк наши устроили в честь дорогих немецких товарищей?

И тут Сапрыкина реально затрясло. Он закрыл ладонями лицо и глухо застонал, повторяя:

— Не верю, не верю, не верю...

Понятно.

Глубокий шок от пережитого. От пришедшего наконец осознания, что безвозвратно сломан тот устойчивый, понятный мир, в котором молодому, идейно подкованному солдату жилось довольно неплохо. Он вырос в этой среде, привычной для него, естественной, где граждане великой страны строят коммунизм, попутно уничтожая врагов народа, мешающих этой великой стройке. Так его воспитали, и в этом нет его вины...

И сейчас, когда этот мир рухнул в одночасье, трудно вот так, в одно мгновение превратиться из строителя светлого будущего в хладнокровного убийцу тех, кого он до сего-

дняшнего дня считал товарищами, друзьями, раздувающими мировой пожар на горе всем буржуям...

Что ж, теперь у него небольшой выбор: или перековаться в бойца с реальным, настоящим, не выдуманным противником – или же погибнуть от вражьей пули, которая, как правило, первыми находит слабовольных трусов.

– Короче, слушайте меня все, – негромко сказал я. – Кто не уверен в себе, кто боится или хоть немного сомневается в том, что мы поступаем правильно, – останется здесь, в лесу. Никто их не осудит, да и вещи стеречь кому-то надо, так как пойдем мы налегке. Остальные: ждем темноты и дальше действовать будем так.

* * *

Вызвались все, даже Сапрыкин, до конца осознавший происходящее. Бывает такое, что человек, находящийся на распутье, перемалывается – и становится другим. Зверем со злыми глазами, осознавшим, что или ты их, или они тебя, и третьего не дано. Похоже, поверил Сапрыкин моему рассказу и теперь рвался в бой – думаю, в том числе чтобы проверить, не зря ли он поверил мне...

Но я, поразмыслив, из оставшихся в живых отобрал восьмерых. Тех, кто прошел финскую, Халхин-Гол, хасанские бои – и сумел остаться живым этим утром, под градом немецких пуль, что тоже было непросто. Мне нужны были

те, кто умел убивать – жестоко, без раздумий, без сожаления. Потому что лишь такие бойцы могли совершить то, что я задумал.

Мы терпеливо дождались ночи, после чего прокрались к кромке леса.

Фрицы не спали. В хатах горел свет, оттуда слышались приглушенные пьяные выкрики – фашисты праздновали удачно завершившийся первый день войны. Это хорошо. Это просто замечательно.

Мы подождали еще пару часов, пока в большинстве хат не погас свет.

И двинулись вперед.

Я заранее рассказал всем, что нужно делать, – и никто не переспросил, не усомнился, не предложил свой вариант. Что ж, похоже, я не ошибся, выбирая бойцов для сегодняшней миссии.

Патрульные лениво шастали вокруг деревни парами. Курили, болтали друг с другом. Ну а чего скрываться-то, когда на западе свои, на востоке свои, везде свои. Кто ж, будучи в тылу на своей земле, напрягается насчет бдительности?

И тут мы их слегка разочаровали.

Из оружия у нас были лишь револьверы и ножи-финки, простые, как сама смерть. Длинный клинок, всаженный в гладкую деревянную рукоять, усиленную оковкой. Все. Я, признаться, финки недолюбливаю из-за травмоопасной рукояти – когда нож с гардой, мне спокойнее, хотя при долж-

ной сноровке и финкой можно врага уработать только в путь. И словно предвидя это, сержант Иванов перед выходом протянул мне большой и тяжелый нож типа «боуи» с широким клинком, снабженным внушительным долом, гардой и рукоятью, как у кавалерийской шашки.

– Держи, командир, «канадца».

– В смысле «канадца»? – не понял я, принимая оружие.

– Нож канадского типа, – сказал Иван. – Его делают наши, вачинские, на заводе «Труд». Жаль, что мало выпускают, достать тяжело. Однако я один раскопал для себя. Но тебе нужнее. А я и финкой обойдусь, не впервой.

– Благодарю, – кивнул я, взвешивая в руке оружие, ну совсем не похожее на русский нож. Тем не менее он мне понравился, для нашей цели годный предмет. Более чем годный... А «Бритва» пусть у меня в руке пока полежит, слишком уж больно, когда она наружу вылезает. Да и оружие последнего шанса никогда не помешает...

Первый патруль я взял на себя. Подкрался сзади в высокой траве и одним движением руки перерезал горло первому фрицу. И пока тот хрипел и булькал кровью, заливавшейся в легкие, дал со всей силы ногой в пах второму, и когда тот согнулся, с размаху вонзил ему широкий клинок под каску, ощутив через рукоять, как тот легко прошел меж шейными позвонками.

Но это было еще не все.

Пригнувшись, я начал быстро стаскивать со второго фри-

ца униформу. Первый был в этом плане бесполезен – кровиха из перерезанного горла залила весь китель. А вот второй очень даже годился, тем более что я нож в ране оставил, чтоб она меньше кровила.

Все получилось как нельзя лучше: спасибо яркой летней луне и ясному ночному небу, переоделся я быстро. Сапоги только свои оставил, фашистские не подошли, уж больно размер мелкий оказался. Ну да ладно, ночью и так сгодится. Винтовку на плечо, каску на голову – сойдет, несмотря на то что китель я еле застегнул. Блин, и как они при столь субтильном телосложении Европу завоевали? Я, еще когда за деревней следил, заметил: большинство из них такие, соплей перешибешь – а поди ж ты, четыре года нашу страну терзали, сволочи.

Точку сбора мы наметили у крайней избы, в глубокой тени. Нормально ребята справились, если честно, лучше меня – четверо из них уже были в немецкой форме.

– Ладно, пошли, – прошептал я. – Начинаем оттуда.

Двери и окна немцы не закрывали – июньская ночь душная. Так что в дом мы вошли свободно.

Я в немецком так себе, кроме «хенде хох» и «Гитлер капут» знаю немного. Но достаточно, чтоб понять, о чем речь. У нас во Французском легионе был один немец по имени Курт, доставал всех игрой на губной гармошке, пока ее капрал не отобрал и не сломал. Со скуки тот немец в редкие свободные минуты пытался общаться с сослуживцами не

только по-французски, который знал примерно так же, как и я, но и на своем родном языке. Потому я кое-что запомнил – достаточно, чтоб хоть немного понять, о чем речь. Так что когда в хату ввалились незнакомые коллеги, стало ясно, что фрицы слегка озадачились. Посыпались было вопросы: кто такие, откуда? Но быстро сошли на нет. Какая разница? Свои же. Тем более что каждый из нас, как было обговорено заранее, улыбался во весь рот.

Это их и подвело.

Всех шестерых мы, подойдя ближе, закололи ножами как свиней, они даже осознать не успели, что происходит. Мои ветераны все как один били финками в сердце, причем по несколько раз, в ритме швейной машинки. В одно мгновение изба наполнилась предсмертными хрипами, которые, впрочем, были недолгими – с пробитым сердцем человек живет очень мало.

Так мы обошли четыре хаты, в которых еще горел свет.

А потом и остальные, где свет был уже потушен.

Как-то классик спел о героях войны, которые прошли по фашистским тылам, держась, чтоб не резать врагов сонными. При всем уважении к его творчеству – не верю. Благородство возможно по отношению к благородному врагу, который не нарушает мирных договоров и не сжигает заживо мирных мужиков, женщин, детей...

Но сейчас явно был не тот случай. Потому действовали мы совершенно не благородно, но эффективно, проламы-

вая клинками виски спящих и вскрывая шеи проснувшимся. Ибо на этой войне не было места для благородства. Но зато была цель – убивать эту нечисть.

Любыми способами.

И любой ценой.

Даже ценой собственной жизни...

Но на этот раз наши жизни остались при нас, и минут через двадцать мы стояли возле двухэтажного здания, возле которого была припаркована черная штабная машина.

Во время нашего кровавого квеста бойцы уже успели увидеть тот самый сарай, внутри которого лежали обгорелые трупы – большие и совсем маленькие... И потому, не сговариваясь, пограничники сняли бревно с ближайшей коновязи и подперли им дверь двухэтажного здания. А после принесли из штабной машины две канистры с бензином – офицер, как настоящий немец, оказался запасливым и предусмотрительным. Правда, вряд ли он ожидал, что благодаря его предусмотрительности получит на чужой земле столь теплый прием.

Дом, стены которого были обильно политы бензином, бойцы подожгли с четырех сторон. Огонь полыхнул до небес, пожирая дерево, иссушенное временем и летним зноем, – вот что значит добротная двускатная крыша, которой любой дождь не помеха.

Изнутри слышались вопли на немецком. Кто-то из фашистов ломанулся в открытое окно, но, получив пулю в пле-

чо, упал внутрь. Второму выстрел из револьвера оторвал ухо. Пограничники специально не стреляли на поражение. Они платили жестокостью за жестокость. И я не осуждал их. Я просто стоял и смотрел на огонь до тех пор, пока вопли внутри дома не потонули в грохоте крыши, обвалившейся внутрь.

Все было кончено... с этой ротой. Но в любой момент сюда могли подойти другие подразделения. Я не исключал, что с территории Германии наступающие части могли двигаться и ночью. Поэтому действовать нужно было очень быстро.

– Иванов, в грузовик – и за нашими, – скомандовал я. – Остальные – собираем чистую фашистскую форму, оружие, продовольствие, грузим это все во второй грузовик.

– А форма зачем? – подозрительно прищурился рядовой Федотов, здоровенный мужик с лапищами, смахивающими на грабли. – Когда гансов резали, оно понятно, но дальше-то к чему? Аль мы не советские солдаты?

– А затем, что в нашей форме мы доедем не до своих, а до первого немецкого пулеметного взвода, – пояснил я. – А так у нас будет шанс прорваться.

– Ну... ладно, – пожал квадратными плечами Федотов.

Понимаю, советским людям, пока что как следует не видевшим ужасы этой войны, моя идея могла прийтись не по вкусу. Они не осознавали масштабов произошедшего, не знали, с каким жестоким врагом им предстоит столкнуться. Наверняка они считали, что не подобает красногвардейцу переодеваться в форму врага, что воевать надо только со

звездами на фуражках. Ничего, скоро они поймут, что война – это когда ты жив, а твой враг мертв. Любой ценой и любым способом. А все остальное так, слова и символы, которые наверняка имеют смысл в мирное время, но на войне порой изрядно вредят, когда в погоне за ними люди забывают об основной цели войны: убивать врага.

Любой ценой.

И любыми способами.

* * *

Немецкие фонарики с петлей для подвешивания на пуговицу ночью оказались хорошим подспорьем. Как и полная луна, кстати, благодаря чему мы довольно быстро справились с задачей. Тем более что подкатил грузовик с нашими, и теперь мы работали в два десятка рук. Я знал: у наших, там, на востоке, с продовольствием наверняка уже туго. Страна пока что в шоке, в столице правительство пока лишь осознает масштаб трагедии, и регулярные поставки самого необходимого воюющим войскам наладятся еще очень не скоро. Потому первым делом бойцы по моему приказу собирали тушенку и сухари. Они всегда в дефиците на войне, в отличие от оружия и патронов, которые всегда можно забрать у убитого врага.

Помимо двух грузовиков нам досталось несколько мотоциклов с пулеметами MG-34 на колясках и два «Ханомага»,

оснащенных тем же вооружением. Эти полугусеничные бронетранспортеры обладали неплохой проходимостью и вместительностью – в одной машине помимо экипажа помещалось десять человек.

Солнце еще не взошло, когда мы были готовы к походу. Все переодеты в немецкую форму, один грузовик набит жратвой, второй же мы напичкали сюрпризами, подложив под пустые ящики в кузове гранаты с выдернутой чекой. Когда я показал, как это делается, даже бывалые бойцы показывали головами.

– Годная придумка, командир, – сказал сержант Иванов. – Хотел бы я поучиться в той военной академии, где на такое натаскивают.

Я лишь хмыкнул. Если рассказать, что мои «академии» раскиданы по разным мирам, не поймут. И не исключено, что пристрелят на всякий случай – на войне больные психи опасны своей непредсказуемостью.

В штабной машине я нашел чемодан со вторым комплектом обмундирования немецкого офицера и искренне порадовался находке. Фриц был поздоровее своих подчиненных, и его шмот сел на меня замечательно. Даже сапоги подошли, оказавшись на размер больше – как раз под нормальные портянки. В немецких званиях я не разбирался – офицер, и ладно. Который при жизни был педантичным до оскомины, гореть ему в аду. Даже ремень, даже кобура с «вальтером» были в том чемодане, не говоря уж о фуражке.

Кстати, надо отметить, что фрицы к войне подготовились основательно. В сумках убитых солдат помимо сухарей и консервов были таблетки для обеззараживания воды и разжигания костра, маленькие полевые плитки, складные столовые приборы, наборы для бритья и умывания, зубные щетки, пасты, наборы для шитья и еще много разных мелочей, так необходимых солдату в повседневной жизни.

– А наша «мосинка» все равно лучше, – хмуро сказал тогда один из бойцов, осмотрев немецкий карабин. Наверно, просто чтобы что-то сказать...

Теперь я ехал в штабной машине правильно, на переднем сиденье, с водителем, которым вызвался быть сержант Игнатов, по его утверждению, знавший немецкий «со словарем». Впереди катились два мотоцикла с колясками и пулеметами, сзади колонной ехали два «Ханомага», посредине – грузовик с едой и боеприпасами. На мой взгляд, нормальная тема – рота движется к месту дислокации. А что бойцов недокомплект – ну, мало ли почему оно там. Война же ж.

Ехали мы по грунтовке, изрядно убитой гусеницами фашистских танков. Была бы осень, немецкая штабная машина застряла б в грязи напрочь вместе с мотоциклами, и, пожалуй, грузовиком тоже. Гусеничные «Ханомаги», может быть, осилили бы такой путь, но это не точно.

Куда я вел свой маленький отряд? Нет, не в Киев, хотя дорога, судя по трофейным очень подробным немецким картам, тянулась именно туда. Если уж воевать с врагом, значи-

тельно превосходящим по силе, то делать это лучше на местности, которую отлично знаешь.

А я просто прекрасно знал один участок украинской земли неподалеку от Киева, который через сорок пять лет люди назовут Зоной отчуждения...

* * *

Солнце вылезло из-за горизонта – и мы слышали грохот. И впереди, там, где шел бой, – и сзади, где катилась на восток вторая волна немецкой техники...

А справа и слева от дороги во все стороны расстилалась жуткая картина.

Сгоревшие танки. В основном наши. Небольшие, угловатые, далекие от совершенства. Очень скоро советские конструкторы, учась на своих ошибках, осознают все недостатки этих моделей, и боевые машины начнут стремительно модернизироваться. Но пока что они только горели вдоль дороги.

Вместе с подбитыми немецкими.

Но последних было намного меньше...

Видели мы несколько наших артиллерийских батарей, бойцы которых бились насмерть – и были буквально размазаны по земле вместе со своими «сорокапятками». Немцы не стали идти на прорыв, потеряв пару танков, а просто подождали, пока бомбардировщики сделают свое дело...

И, конечно, в траве, еще вчера высокой, а сегодня практически везде сгоревшей, лежали трупы. Много трупов. Вся земля была усеяна ими. И, опять же, убитых солдат в немецкой форме было намного меньше, чем в советской. Возможно, отчасти потому, что по полю бродили немецкие санитарные команды в сопровождении пехотинцев, которые периодически стреляли в лежащих из винтовок и пистолетов. Добивали раненых. Понятное дело, что не своих...

– Сволочи, – прорычал Игнатов. – И что, командир, мы ничего не сделаем?

– Сделаем, – сказал я. – Но немного попозже.

Мое внимание привлекла транспортная колонна, едущая впереди к линии фронта, которую мы постепенно нагоняли.

Странная колонна.

Очень странная...

Охраняли ее знатно. Позади ехали два таких же мотоцикла, как у нас, по бокам – два легких танка. А еще нам был виден задний борт последнего в колонне крытого грузовика, на тенте которого был выведен овал, внутри которого угадывался меч, обвитый лентой. И какие-то надписи по кругу...

Я поднял бинокль к глазам.

Ага, руны. Вернее, латинские буквы, стилизованные под руны, так что можно было прочесть нечто вроде «DEUTSCHES AHNENERBE».

Хммм... Интересно...

О фашистской организации «Аненербе», что в переводе

значит «Наследие предков», я был наслышан – как и любой человек, хоть немного интересующийся историей. Идеологи, создавшие для фюрера новую религию, врачи, потрясшие современников бесчеловечными опытами над людьми, мистики, накопившие в древних религиях и ритуалах такое, что их записи засекречены до сих пор, – это все оно, «Аненербе».

Но какого дьявола они делают здесь, да еще под такой усиленной охраной? Что такого мистического можно волочь на передовую в крытых грузовиках?

И пока я размышлял над этим, мне пришло в голову еще одно.

А почему, собственно, в начале войны Гитлер так рвался к Киеву, поставив его захват целью более важной, чем Москва? Если я не полностью забыл курс школьной истории, по его приказу даже часть войск группы армий «Центр», нацеленная на Москву, была перенаправлена, дабы усилить группу армий «Юг», воюющих на киевском направлении.

Зачем?

От этих мыслей у меня аж по позвоночнику побежали мурашки. Я почувствовал, что нахожусь на пороге разгадки какой-то тайны, которая может очень серьезно повлиять на ход этой войны. Сейчас о ней я знал больше, чем любой человек в СССР, только толку от этих знаний было немного. Да, благодаря моим усилиям нам удалось немного потрепать фашистов, сжечь несколько легких танков. И два десятка бойцов

я спас. Ну и что это за успехи в масштабах великой войны? Капля в море! А сейчас я вдруг интуитивно почувствовал – я могу сделать больше.

Гораздо больше.

Нет, не я.

Мы можем!

Мой отряд, который верит в меня – а это уже очень и очень много...

Но если отбросить эмоции – что мы объективно могли сделать?

Пока что ничего, к сожалению. Только ждать – и наблюдать за этой странной колонной. Которая, кстати, свернула с дороги и по еще более узкой грунтовке направилась вдоль линии фронта к какому-то небольшому городишке, уже изрядно пострадавшему от бомбежки, но пока еще как минимум наполовину целому – видимо, немецкие летчики решили разрушение мирного города оставить на потом, сосредоточившись на военных объектах.

Светиться прямым преследованием мне не хотелось, потому я тормознул свою колонну и коротко объяснил, что к чему.

Бойцы молчали, переваривая услышанное. Тут даже сержант Иванов с сомнением почесал в затылке.

– А ты уверен, командир? Нам бы к своим прорваться да фрица бить, а не за какими-то непонятными ненербями следовать.

– Уверен, – отрезал я. – Видели, что вокруг делается? Наши отступают к Киеву, там закрепятся и будут стрелять по любому, кто попытается перейти линию фронта – особенно в немецкой форме. Сейчас мы здесь незаметны в общей неразберихе. И пока это так, нужно выжать из нашего преимущества максимум. Фрица бить можно и не только стреляя из окопа, но и так, как мы сделали это ночью. Хитростью. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Та колонна неспроста танками охраняется. И если мы о ней узнаем побольше, то нашим эти сведения очень сильно помогут. К тому же ничто не мешает нам следующей ночью поработать так же, как мы поработали этой.

Не знаю, хорош я был как оратор или не очень, но, по крайней мере, никто меня не послал – и на том спасибо. Хотя подозрительные взгляды кидали, конечно. Думаю, первое впечатление от моих зверских воплей и двух удачных боевых операций прошло, и бойцы уже начали замечать, что не совсем такой я, как они.

По речи, которая по прошествии семи десятков лет стала изрядно другой.

По повадкам, которые у офицеров НКВД наверняка иные. По тем мелочам, которые отличают чужого от своего – а я в этом времени был чужим, хотя от души желал помочь тем, кто бил фашистов в те страшные годы. Да и кто бы, окажись на моем месте, думал по-другому?

Однако, как бы ни хотелось мне говорить с этими бойца-

ми, с которыми я бился бок о бок, на простом человеческом языке, надо было продолжать играть роль сурового командира. Иначе еще сильнее начнут сомневаться, и тогда все мои героические планы накроются медным тазом.

– Задача ясна? – рыкнул я.

– Так точно, – взвизгнул отозвались бойцы.

– А если так точно, то сейчас двигаем в объезд этого городишки. Зайдем в него с другой стороны. Вопросы?

– Никак нет.

– Значит, по машинам.

* * *

Объездная дорога оказалась еще хуже, чем та, по которой мы ехали до этого. Так, не дорога, а раздавленная земля, по которой прошлись многочисленные гусеницы и колеса грузовиков. Водитель одного мотоцикла не справился с управлением и заехал в воронку от бомбы, на дне которой валялась изуродованная нижняя половина чьего-то трупа. При чем заехал конкретно, повредив коляску.

Я не стал экспериментировать с извлечением мотоцикла из ямы, просто приказал бойцам снять пулеметы с обоих мотоциклов и пересечь в «Ханумаги». По такому бездорожью лучше двигаться на гусеницах, а то недолго и шею себе свернуть.

Моя штабная машина выла движком, но пока тянула по

раскисшей почве, не застревая, – и на том спасибо. Я б тоже пересел в «Ханомаг», но в случае чего солидный черный автомобиль однозначно добавлял нашей кавалькаде престижа, и нас не останавливали встречные немецкие подразделения и патрули полевой жандармерии, хорошо заметные издали по крупным металлическим бляхам-горжетам, висящим на груди.

Я ехал – и удивлялся, как быстро возвращаются давным-давно забытые знания того периода, когда я плотно интересовался историей Второй мировой войны. Вот и про жандармерию вспомнилось, и про горжеты. Похоже, это как с иностранным языком, который когда-то изучал и позабыл за ненадобностью. Но стоит попасть за рубеж – и откуда что берется? Слова и предложения, казалось бы, давно стерты в памяти, всплывают сами собой, и ты уже более-менее бойко общаешься с аборигенами, удивляясь сам себе. Интересно, что еще полезного всплывет в моей голове в ближайшее время?

Мы уже почти обогнули городок по широкой дуге. Осталось объехать небольшой лесочек, чудом не сгоревший при бомбежке, но тут Игнатов невольно притормозил.

Потому, что впереди стояла очередь.

Наши. Много, человек сто пятьдесят, а может, и больше.

Пленные.

Естественно, обезоруженные, без ремней и сапог, люди стояли – и ждали.

Своей очереди...

Фрицев, их охранявших, было человек сорок. Стояли с винтовками на изготовку, штыки примкнуты, ноги расставлены. В случае чего начнут колоть-стрелять без промедления.

А впереди работала еще одна немецкая команда, числом около взвода, плюс два пулеметчика. Следили за тем, как наши бойцы под прицелом винтовок и MG34 копают большой ров.

Они уже почти закончили, одни головы виднелись и земля, вылетающая из рва. Видимо, взводному офицеру этого показалось достаточно, и он махнул рукой.

Две очереди слились в одну...

Я видел, как голова одного из наших бойцов взорвалась кровавыми брызгами, словно арбуз, по которому ударили кувалдой. А больше ничего не видел, так как ярость красной пеленой застила взгляд...

Но я страшным усилием воли заставил себя успокоиться.

Немцев было слишком много. А нас – слишком мало. Конечно, неожиданность и два «Ханомага» были хорошим козырем, но на близком расстоянии достаточно одной гранаты, брошенной в открытый сверху кузов, чтобы от половины моего отряда ничего не осталось.

А между тем расстрельная команда отделила от очереди десять пленных и выстроила их на краю рва. Немцы работали быстро и деловито, будто скотину на убой вели. Впро-

чем, их пропаганда нас так и позиционировала – скоты, мол, не люди. Что-то типа агрессивных обезьян, от которых надо просто зачистить землю, а менее агрессивных заставить работать на себя. Так что сейчас, с их точки зрения, ничего ужасного не происходило. Разоружили тех агрессивных и зачищаем в ноль. Как тараканов давим или клопов, к которым не может быть ни жалости, ни сострадания...

Увидев нашу небольшую колонну, офицер расстрельной команды даже рукой махнул в знак приветствия – который его подчиненные расценили как руководство к действию.

И вновь две очереди распороли воздух, и десять мертвых тел, изуродованных пулями, попадали в ров...

Стратегически правильно было просто проехать мимо. И, думаю, ветераны этой войны году в сорок четвертом, попав в аналогичную ситуацию, так бы и сделали. Задание важнее эмоций, из-за которых ни боевую задачу не выполнишь, ни людей не спасешь, да еще вдобавок и сам погибнешь.

Но со мной были не ветераны, а бойцы с опытом войны в один день и одну ночь, которого очень мало для объективной оценки подобной ситуации. Поэтому, когда с «Ханомагов» начали практически одновременно молотить четыре пулемета, я открыл дверцу и на ходу выпрыгнул из машины – благо скорость была невысокой.

И вовремя.

Фашисты, что охраняли пленных, все-таки успели пово-евать в Европе и имели кое-какой опыт боевых действий.

И хотя неожиданная атака выкосила практически всю расстрельную команду и треть пехотинцев, охранявших пленных, остальные сориентировались в обстановке – и случилось то, чего я боялся.

В «Ханомаги» навесом полетели гранаты с длинными рукоятками...

Из бронетранспортеров успели выпрыгнуть лишь несколько человек. А потом один за другим раздалось несколько сильных хлопков... И следом – мощный взрыв.

Один их «Ханомагов» просто разворотило. Он, как распутившийся стальной цветок, раскрылся рваными листами брони. Ну да, в него мы сгрузили несколько ящиков с гранатами, которые сейчас и сдетонировали. Над вторым бронетранспортером просто взметнулось пламя, из которого вывалился боец, горящий словно факел. По ходу, запасные канистры с бензином полыхнули...

А потом грохнуло так, что аж сами фрицы присели. Одна из гранат прилетела в наш грузовик, набитый продовольствием, оружием и боеприпасами – и, упав на тент, рванула.

И следом за ней – все, что было под тентом.

На подобное я всегда реагирую раньше, чем до мозга дойдет, что случилось. Я упал на живот, выдернул из кобуры «вальтер», и прострелил головы двум ближайшим фрицам. Ничего так немецкая машинка, довольно точно работает даже без пристрелки. Жаль, патронов в ней осталось только шесть штук, да еще один магазин в накладном кармане на

кобуре, – и на этом моя огневая мощь заканчивается.

Я бросил быстрый взгляд вбок.

Хреново...

Раскинув руки, опрокинулся на спину один из моих бойцов – какой-то меткий фриц вогнал ему пулю точно в низ каски, которая на таком расстоянии при прямом попадании из винтовки шьется словно бумажная. А я и выстрелить не могу, потому как не вижу врага за спинами пленных, что после взрыва присели на корточки, обхватив головы руками. Блин, пацаны совсем, лет по двадцать. Чего удивляться? Позавчера было мирное небо над головой, а сейчас – ад на земле. К тому же враги во врагов стреляют, поди пойми, что происходит... Героизм – он постоянным не бывает. Для него вспышка нужна, искра, которая, как в танке, запустит двигатель – и тогда машина поперет вперед, давя все на своем пути. А без этой искры любой танк – это просто бесполезная груда железа.

И я выдал эту искру. Сбросил с головы немецкую фуражку, вскочил на ноги, сорвал с себя фашистский китель, под которым была гимнастерка офицера НКВД, и заорал:

– Бойцы! В атаку!!! За Родину!!!

И ринулся вперед, продолжая орать на ходу:

– Бей врага, ребята! Вали уродов!!! – тут же подав личный пример.

Офигевший от моего превращения показавшийся у меня на пути немец с винтовкой попытался направить на ме-

ня оружие – но на секунду опоздал. Я ладонью отбил ствол в сторону, от души с ноги заехал фашисту сапогом по колену, а когда фриц согнулся, рубанул локтем по позвоночнику сверху вниз, вложив в удар весь вес своего тела. С приседом, словно дрова рубил.

Можно было, конечно, выстрелить, патронов в пистолете хватало. Но мне надо было безоружным пример подать как действовать.

И – сработало! Зажгла моя искра двигатель! Я прям увидел, как отрешенная беспомощность в глазах пленных ментально сменилась лютой яростью...

Они все почти одновременно бросились. С голыми руками. Босые, избитые, в рваных солдатских рубашках – на вооруженных фашистов. Да, те стреляли, кололи штыками – но наших было больше.

Не обращая внимания на раны, на кровь, из них хлещущую, пленные убивали своих мучителей. Страшно убивали. Молотя кулаками, выдавливая пальцами глаза, впиваясь зубами в горла, мерзко воняющие одеколоном, которого немцы на себя не жалели...

Если меня спросят, что мне больше всего запомнилось в этой бойне, я скажу – звериный рык парнишки, пальцами разрывающего рот фашиста...

И запах.

Жуткая смесь вонии ядреного пота, сладковатого запаха крови и грубоватого аромата этого треклятого немецкого

одеколону...

Я тоже дрался. Экономя патроны, ткнул стволом в морду какого-то фрица, чуть большой палец себе не вывернул. Но почувствовал рукой, как ствол проламывает кость за выбитым глазом, так что выстрел сэкономил. Другому рукоятку пистолета в подбородок наотмашь заехал. Тоже нормально вышло, нокаут.

А вот третий меня чуть штыком не пропорол, сволочь... Но – повезло. Мне. А не невысокому парнишке из моего отряда, который под штык поднырнул и на всю длину принял его грудью. И осел мешком на землю, схватившись за ствол и не давая фрицу выдернуть винтовку. Тот по инерции вперед шагнул – и тут я его по горлу ножом и полоснул, который до этого под немецким кителем прятал и про который только сейчас вспомнил. А парнишка тот глянул на меня снизу, прохрипел:

– Живи, командир... За Родину отомсти...

И умер, уставившись стекленеющими глазами в небо, черное от чужих самолетов...

К счастью, у фашистов не было автоматов, только винтовки, а единственный пулемет молчал. Те, кто был рядом с ним, уже умерли, а конвоирам было не до него. Надо признать, дрались они яростно – но куда им было до ярости пленных, которых они обрекли на смерть.

Через несколько минут все было кончено. Немцев просто разорвали голыми руками...

Но дорогой ценой.

Из моего отряда в живых осталось шестеро. Из бывших пленных – треть. Все в крови, своей и чужой. Несколько человек ранены, двое тяжело. И все на меня смотрят...

А я далеко не всесилен, хоть и из будущего. Если в немецкой форме еще имелся шанс и фрицев подчистить неслабо, и разведать, что там «Аненербе» задумало, то теперь был лишь вопрос очень недолгого времени, когда немцы зачистят нас.

Я не винил тех, кто открыл стрельбу и погиб смертью храбрых. Скорее всего, на их месте я поступил бы так же. Но я был на своем, с неподъемным багажом боевого опыта за плечами, привыкший просчитывать целесообразность каждого шага, который на войне в любую секунду может оказаться последним. Поэтому оставалось лишь признать, что моя задумка провалилась... Провалилась по тому сценарию, который я расписал для нее.

Значит, нужно было задействовать новый.

Но сначала я должен был что-то сказать тем бойцам, что смотрели на меня с надеждой...

Увы, не было у меня для них решения. Хотя... Почему нет?

Вариант с переодеванием больше не прокатил бы – униформа практически всех мертвых немцев была залита кровью. Оно и понятно, когда живое человеческое тело рвут на части, по-другому и быть не может.

Но там, неподалеку от пулемета, стоял грузовик, на ко-

тором, по ходу, приехала расстрельная команда. Маловат транспорт для тридцати с лишним человек, но жить захочешь – потеснишься. А еще невероятным образом уцелела штабная машина. Лишь по крылу осколок царапнул, а в остальном без повреждений.

В общем, план у меня созрел мгновенно. Да не план, а, скорее, единственно возможный выход.

– Так, бойцы, – сказал я. – Хватайте оружие какое найдете – и быстро в кузов. Есть кто-то еще, кто грузовик водить умеет?

– Ну я могу, – отозвался один из пленных.

– Значит, найди себе немецкий китель, который поменьше залит кровищей, надевай – и за руль. Те, кто был со мной, – трое в штабную машину, один в грузовик, рядом с водилой. И двигайте на восток, к Киеву. Как до линии фронта доедете, ищите место где поспокойнее – и ночью пробирайтесь к своим, только немецкую форму снять не забудьте. На этом все. Выполнять.

– А ты, командир? – поинтересовался Сапрыкин. Легко раненный в руку, но живой. Надо же, «командир»... А я думал, он меня за тот удар в челюсть до конца жизни ненавидеть будет.

– А у меня тут дело есть, – сказал я, кинув взгляд в сторону городка. И предвидя, что пограничники сейчас начнут протестовать, рыкнул:

– Это не обсуждается! Выполняйте приказ!

Нехотя, но приказ они все же выполнили.

Я это видел, когда пару раз обернулся на пути к городку. Бойцы довольно оперативно залезли в грузовик, помогая раненым, — и выдвинулись туда, куда я сказал. Вот и ладушки, вот и хорошо. Шансов, что они доберутся до своих, очень немного, но возможность выжить — это всяко лучше, чем гарантированно лечь от немецкой пули в могилу, которую тебя заставили выкопать. Во втором случае по-любому без вариантов, а в первом, глядишь, кому-то и повезет.

На месте короткой, но кровавой битвы я нашел офицерский китель и фуражку, которые сбросил ради поднятия боевого духа бойцов. Без них мой план можно было сразу в расход пускать, причем вместе со мной. А с ними, может, что-то и получится...

Я всегда был полностью согласен с древнекитайской истиной насчет того, что война — это путь обмана. Кидаться при каждом удобном случае грудью на вражьи штыки — это не героизм, а несусветная глупость. Мудрость бойца состоит в том, чтобы убить врага и при этом самому остаться в живых, дабы иметь возможность уничтожить и второго, и третьего. При этом надо помнить, что к врагу неприменимы такие понятия из мирной жизни, как благородство, честь, совесть — и так далее. Ибо единственное, что можно чувствовать к вра-

гу, – это желание его убить.

Любой ценой.

И любыми средствами...

Ближе к городу уничтоженной техники стало попадаться больше. Бойцы Красной армии защищали населенный пункт яростно – но недолго. Стратегически Киев однозначно был важнее, и советские войска отошли к нему. А на поле боя остались несколько сгоревших немецких танков... и гораздо больше наших... И трупы в обмундировании цвета хаки – тут и там. Много трупов, очень много. И ни одного немецкого – своих фрицы уже успели подобрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.